

Ф. Б. Загыртдинова

БИО: ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ЭТИКА

Рассматривается соотношение понятий «биополитика», «биовласть», «биоэтика», а также некоторые проблемы биоэтики как социального института. Биоэтика есть ценностный регулятив отношений производителей и потребителей биомедицинских услуг, хранительница абсолютных общечеловеческих приоритетов, пренебрежение которыми означает самоуничтожение человеческого рода.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, биомедицинские технологии, биоэтика, демографическая политика, евгеника, политика.

В 1970-е годы в научный оборот вошли термины с приставкой *био*. Это понятия «биовласть», «биополитика» и «биоэтика». Понятие «биоэтика» создал биохимик W. Potter для соединения двух совершенно разных элементов познания: научных фактов и нравственных ценностей. Два других понятия принадлежат известному французскому философу Мишелю Фуко. Биовласть есть механизм реализации биополитики. В упрощенном виде биополитика расшифровывается как контроль над человеческим родом, над его смертностью, продолжительностью жизни, уровнем и характером заболеваний и т. п. Возникает вопрос: чем понятие «биополитика» отличается от используемой и понятной категории «демографическая политика»? Как известно, демографическая политика – это управление процессами воспроизводства населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни) с помощью социально-экономических и культурных факторов. Обосновано ли выделение специального термина «биовласть»? Вопросы далеко не праздные, т. к. ответ на них означает обоснованность или необоснованность использования понятия «биоэтика». Одна из функций биоэтики – служить механизмом морального санкционирования актов биополитики. Но, кажется, в отличие от позиций биополитики и биовласти, позиция биоэтики как социального института и специальной отрасли знаний настолько укрепилась, что никто не подвергает сомнению правомерность ее автономного статуса в ряду научных и социальных феноменов нашего времени.

Если кликнуть в интернетовском поисковике на искомое слово «биовласть», то можно найти, например, такую информацию: первая стадия характеризуется доминированием технологий модификации фенотипической конституции. Такие технологии базировались на

прямом или косвенном принуждении людей (посредством «общественного мнения», рыночной конъюнктуры, общепринятых стандартов и т. д.). Вторая стадия – это стадия преобладания репродуктивных технологий, позволявших вмешательство в подбор родительских пар, пренатальной и постнатальной селекции, стерилизации и т. д. Третья стадия – это время технологий управляемой эволюции (т. е. генно-инженерных реконструкций генетической программы онтогенеза в целях «социальной адаптации»)¹.

Первая стадия биовласти, по хронологии М. Фуко², 17–18 века, когда проводилась ординарная демографическая политика. На второй стадии начинается, на наш взгляд, зарождение биовласти как таковой. В 19–20 веках проводились отдельные евгенистические мероприятия, например, стерилизация пациентов с наследственными психическими заболеваниями или отклоняющимся поведением; широкое распространение мер контрацепции. В 1930–40-е годы в некоторых европейских странах евгенистическая политика проводилась с нарушением неотъемлемых прав человека, а в нацистской Германии превратилась в геноцид. До сих пор эксперты так и не находят ответ на вопрос: «Когда медицина сошла с ума» (название книги по истории экспериментов над людьми в нацистской Германии: Arthur L. Caplan. When medicine went. Bioethics and Holocaust. Toronto, 1992). Они объясняют, что сработал целый комплекс факторов, но по собственному признанию одного из исследователей, вопрос, почему врачи поддержали антигуманные идеи и участвовали в этих экспериментах, так и остался открытым. Потому что не было личной ответственности, личной нравственной ответственности этих «экспериментаторов», Гитлер их освободил от всякой ответственности за свои действия. Этот

опыт человеческой цивилизации показал, что моральных регуляторов недостаточно. К сожалению, необходим комплекс правовых рамок, контролирующих исследовательскую и лечебную практику. Не случайно зарождение биоэтики началось в 1950-е годы, после Второй мировой войны, когда требовалось осознать, что нельзя допускать массовых убийств в газовой камере под видом разработки средств для эвтаназии. Быть может и поэтому, из-за дискредитации нацистскими врачами, к эвтаназии столь скептическое отношение.

После нацистских экспериментов проводился опыт. В качестве испытуемых выступили актеры, которые имитировали боль. Исследователей заранее предупредили, что они не несут никакой ответственности за последствия и могут увеличивать напряжение электрического тока, которым предстоит воздействовать на испытуемых. Все, кроме одного врача, увеличивали напряжение (они не знали, что это фиктивное увеличение) вплоть до того момента, когда актеры имитировали предсмертные конвульсии. Из десяти исследователей только один отказался вести такой эксперимент. Опыт еще раз продемонстрировал, как опасны безнаказанность, отсутствие всякой ответственности, не говоря уже о нравственной ответственности самой личности. Главное, в чем нуждаются сегодня исследователи, ученые и политики, – это наличие нравственной ответственности.

Если на первой стадии воздействие на репродукцию населения идет опосредованно и на всех сразу через воздействие макроэкономических условий и диктат определенного образа жизни посредством искусства и СМИ, то на второй стадии власть предлагает населению такие технологии, которые непосредственно влияют на биологическую природу отдельного человека и означают вмешательство в его тело. В некоторых случаях это было откровенно насильственное и необратимое вмешательство, например, стерилизация, лоботомия; в некоторых случаях – завуалированное вмешательство, например, пренатальное сканирование, аборт по медицинским показаниям из-за дефекта плода, добрачное тестирование. В полном объеме политика становится биополитикой на третьей стадии, когда она пытается управлять естественной (био) эволюцией человека, точнее, эволюцией человеческого рода. Политика – это управление; контроль – одна из первичных задач управления. На второй стадии ста-

новления биополитика сводилась к этой первичной задаче контроля «чистоты расы» путем блокирования нежелательных показателей (т. н. негативная евгеника). На третьей стадии проводятся попытки целенаправленного формирования определенных показателей методами генной инженерии (позитивная евгеника).

Политика есть управление социумом через право, экономику, природно-сырьевые ресурсы, идеологию. У биополитики появляется еще один канал воздействия на социум, это воздействие на телесную природу человека с помощью системы биомедицинских технологий. Власть, любая власть, появляется там и тогда, где и когда ощущается недостаток чего-либо: территории, ресурсов, энергии, послушания. В силу того, что нереально организовать равный доступ к биомедицинским технологиям для всех слоев населения, то власть имущие / имеющие начинают заниматься распределением и перераспределением поистине потрясающих своей эффективностью возможностей современных биотехнологий (продление и качество жизни, ревитализация и омоложение, вспомогательные репродуктивные технологии и т. д.). Хотя «биовласть отнюдь не всегда юридически формализована. Более того, само ее существование зачастую публично отрицается»³, но биовласть занимает в структуре власти вообще все *увеличивающуюся долю*. Биовласть – не отдельная, «новая» разновидность власти, а фиксация того факта, что содержание власти видоизменяется, точнее, расширяется сфера ее применения. Власть, как хирург, просовывает свои инструменты уже и в тело человека и программирует макросоциальные параметры воспроизводства человечества.

Наконец-то сбывается мечты утопистов, которые писали о контроле над телом человека и его воспроизводства. Сама по себе идея контроля процесса воспроизводства человечества достаточна целесообразна. Но не удается рационально объяснить, почему идеи контроля над телом, деторождением, евгеника и т. п. зарождались в лоне европейской философии. Следует подчеркнуть: *идеи*, потому что *практика* подобных вещей проводилась и в Азии, и в прежние времена, а в последнее столетие приобрела невиданные масштабы.

Вот как о нравах тех времен пишет историк гендерной проблематики Е. Вардиман: «Если рождается дочь, в этом повинна женщина. В Аравийской пустыне с древних времен существовал обычай вырывать перед каждым ро-

дами яму в песке. Над ней мать рожала, сидя на корточках. Если ребенок, попадавший в яму, был «всего лишь» девочкой, отец тотчас решал, засыпать ли над ней яму или, если девочек в племени не хватало, позволить ей жить», отец решал «превращать родильную яму в погребальную ... или просто оставляли детей на Священной горе»⁴. Лишать жизни слабых детей – древнеевропейская практика инфантицида – осуществлялась по показаниям физического здоровья.

Результаты ограничительных практик налицо: самые многочисленные народы – азиатские, это население Китая и Индии. С одной стороны, в Европе стареющее население, иммиграция, высокое материальное благосостояние; с другой – громадный рынок рабочей силы, богатый генофонд, низкое (пока) материальное благосостояние в большинстве стран Азии.

Эти факты подводят к одной простой истине: не стоит абсолютизировать преимущества ни одной из биомедицинских технологий, в частности, евгеники, проводимой в явной или латентной форме. В этом, в пропаганде идей умеренности, принципа «не навреди» – в просвещении, одним словом, как потребителей биомедицинских технологий, так и их производителей, заключается одна из функций биоэтики. Современные достижения биомедицины настолько специфичны, что требуют очень специализированных, сугубо профессиональных знаний для адекватного понимания механизма воздействия на человека и человеческий род, не говоря уже о сложности духовно-нравственного осознания и оценки последствий их внедрения. Биоэтика как социальный институт – это объединение профессионалов, носителей такого знания.

Предвосхищая возражения (капитализм – это индивидуалистическая культура, а Азия не знала вплоть до XX века этой социально-экономической модели устройства и пребывала в общинном сомнамбулическом состоянии), все же неполно объясняют, почему идея «лучше меньше да лучше» не витала в атмосфере азиатских патриархальных социумов, хотя поиск совершенного человека, идея совершенной личности занимала умы древней и средневековой Европы и Азии. Например, в центрально-азиатской культуре появилось понятие для обозначения идеального (совершенного) человека – «комил инсон». По мнению азиатских мыслителей, воспитанность и самосовершенствование – вот методы кристаллизации совер-

шенной личности. «Вэнь» в китайской культуре, «адоб» в центральноазиатской культуре, которые можно перевести как воспитанность, по сути являются учениями о должном поведении человека; они не предполагали предварительную селекцию учеников по природным задаткам. Как было выше сказано, современные восточноазиатские эксперты активно привлекаются к задаче идейно объяснить публике необходимость некоторых принудительных ограничительных мер в сфере репродуктивного здоровья. А что делать? Как справиться с демографическим прессом, в частности, в Китае? Как говорится в китайской поговорке, «не важно, какого цвета кошка, главное – чтобы ловила мышей».

Позиции философов и теологов, пишущих на биоэтические темы, можно обозначить так: отстаивающие *право выбора* и обосновывающие *правильный выбор*. Все многообразие мнений исследователей и популяризаторов определенных идей можно, в конечном счете, свести к этой дилемме. Как правило, большинство европейских экспертов, за исключением ортодоксальных, чаще отстаивают идею права выбора, а китайские, к примеру, эксперты убедительны в защите идеи правильного выбора. Очевидно, подобная позиция детерминирована демографической ситуацией, но под нее подводится солидная аргументация, например, ссылка на национальную культуру, которая диктует, что интересы индивида должны быть подчинены интересам общества⁵. Китайские эксперты весьма успешны, когда отстаивают право на национальную (локальную) специфику, национальную биоэтику. Кстати, этот фактор – право на отличия – был принципиально важной причиной образования Центрально-азиатской биоэтической ассоциации. Республики Центральной Азии объединяет идентичность провозглашенных целей – рыночная трансформация, демократизация, рост благосостояния народа; историческая и культурная общность; мозаичность этнического расселения (наличие крупных диаспор на территории друг друга); неделимые транспортная инфраструктура и водные ресурсы; примерно равный уровень экономического развития; опыт разделения труда и промышленной интеграции в рамках СССР; схожее политическое устройство и режим; общий, кроме таджиков, тюркский язык общения; вероисповедание; единые внешние угрозы, наличие значительных природно-сырьевых ресурсов, но слабая конкурентоспособность

местных товаров. Людской ресурс (генофонд) народов Центральной Азии привлекает внимание создателей препаратов и биомедицинских технологий в качестве испытательного полигона. Помимо этого, Центральная Азия – это быстро расширяющийся рынок с повышенным спросом на биомедицинские технологии.

В последней четверти XX века была принята ещё одна попытка синтезировать биологию и общественные науки. Е. О. Welson, американский энтомолог, заложил основы «новой» дисциплины – социобиологии, задача которой – предоставлять схемы для объяснения социального поведения людей на базе наблюдаемых явлений в животном мире. Специалист по изучению насекомых заявил: «Наступило время изъять этику из рук философов и биологизировать её». Выводы социобиологии строятся на допущении мысли о том, что эволюционный процесс един, что нравственные качества генетически predetermined. Данное словосочетание предполагает, что, вроде, особенности нравственного поведения человека закодированы его геномом. В то же время это словосочетание оставляет лазейку («предetermined», а не «определяются»), тем самым давая защиту от обвинений в вульгарном сведении нравственности к биологии. Подобная трактовка не нова, она лишь получает всё новые и новые биомедицинские аргументы. Например, такой: «Есть дети, которые при нормальном уровне умственного развития не способны усвоить, как соотносятся написанные и произнесенные слова. ... Нарушение имеет наследственный характер. На трех из 23-х хромосом человека (на 2-й, 6-й и 15-й) удалось найти участки, связанные с умением читать». Читатель домысливает, что вылечить заболевание (дислексию) можно, исправив дефектный ген методами геной инженерии. Каковы будут последствия вмешательства в геном больного дислексией и можно ли скорректировать нарушение с помощью специальных учебных программ – об этом умалчивается. Типично технократический подход, подготавливающий такое мировосприятие, которое формирует медицинскую и биотехнологическую зависимость общества.

Государственная власть во все времена, как пишет Фуко в своих лекциях, может в прямом смысле отнять жизнь (казнить, послать на войну). В случае биовласти между властью и человеческой жизнью помещаются люди в белых халатах со своим инструментариумом. Хотелось

написать «люди в белых одеждах». Так и было вначале. Общеизвестно, что священнослужители в белых одеждах, по крайней мере, в зороастризме, проводили не только погребальные ритуалы, но и медицинские и психологические манипуляции. С тех пор в коллективном сознании белые одежды стали символом чистоты помыслов. Видимо, одна из функций современной биоэтики – следить за чистотой помыслов людей в белых халатах. Этическая экспертиза исследований и лечебного дела служит для этих целей. Организация и проведение подобных экспертиз – главная задача биоэтических организаций. Совершенствование процедуры этической экспертизы и деятельности этических комитетов – еще одна из задач объединения профессионалов, вовлеченных в биоэтическую проблематику.

Итак, каково местоположение биоэтики? Является ли она частью биополитики, одним из каналов биовласти или она является рупором общественности, защитным средством гражданского общества против злоупотреблений в системе биотехнологий, т. е. в определенной мере противостоит биополитике? Эксперты биоэтики – политики или морализирующие проповедники? На сегодняшний день информационные, фармацевтические и биомедицинские технологии являются самыми прибыльными. Биомедицинская индустрия не жалеет денег на получение морального одобрения гражданского общества. От имени общества суждениями о допустимости или опасности того или иного нововведения занимаются эксперты биомедицинской этики. Они же и формируют общественное мнение по данным вопросам. Заинтересованные корпорации финансируют подобную деятельность. Например, 3 % бюджета проекта секвенирования генома человека было заложено на исследование этических аспектов⁶. В этом отношении биоэтика есть элемент биополитики, биоэтика зависит от биополитики. В то же время биоэтика есть ценностный регулятив отношений производителей и потребителей биомедицинских услуг, есть хранилище абсолютных общечеловеческих приоритетов, пренебрежение которыми означает самоуничтожение человеческого рода.

В своем предназначении быть на страже интересов рядового обывателя, у биоэтических организаций есть еще одна ипостась: разрешать конфликты между представителями науки, производства и потребителями, сообща

обсуждать те или иные открытия науки и достижения производителей. Нужны специалисты, которые могли бы грамотно, взвешенно и непредвзято урегулировать противоречивые ситуации; нужна система не только подготовки, но и переподготовки кадров, ибо биотехнологии развиваются неимоверно быстро. Таких специалистов пока не готовит ни один вуз. Подготовка и повышение квалификации кадров, компетентных в вопросах этической экспертизы, выдвигается в качестве центральной задачи биоэтических организаций.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что биоэтика, как учение и как социальный институт, возникла в русле все большей «биологизации» политики. Необходимость сопоставлять исследования и технологии с ценностными ориентирами меняет характер научного поиска. Из мировоззренчески-отстраненного, «ценностно-нейтрального» феномена, она превращается в «человекосоразмерное явление» (Фролов, Юдин), которое относится не к одной лишь оценке результатов исследовательской деятельности. Это требование формирует методологию поиска и стоит в начале познавательного процесса: «Метод теперь выступает уже не только основанием познания, но и концентрированным подобием личности исследователя» (Р. Р. Бурнашев).

Нравственная ответственность, как и другие характеристики личности (не важно какой – ученой или необразованной), – врожденное или воспитываемое качество? Все сходится в одном: какой бы ни была природа человека от рождения, каков он есть – нравственный или аморальный – зависит и от внешней среды, от воспитания. Правда, современный английский исследователь М. Ридней четко обозначил проблему, написав, что природа и воспитание – это две нерасторжимые стороны сущности челове-

ка, но это не означает, что они встречаются посередине⁷.

Биоэтику традиционно относят к разновидности прикладной этики. Особенность прикладной этики – ее направленность на поиск ответов в этически сложных ситуациях в различных областях жизнедеятельности общества. Прикладной характер означает ее направленность на познание не ради самого познания, а ради конкретной насущной задачи. Из прикладного характера биоэтики вытекает её соподчиненность общим этическим нормам и идеалам, которые позволяют выстроить в систему современные этические правила, связанные с производственной и научной деятельностью в сфере живого. Этика служит регулятором в хаосе научных открытий, «локомотивом» (Л. П. Кисилев), который вывезет весь груз непростых для этической оценки вопросов, компасом для ориентации в комплексе современных проблем биомедицины.

Примечания

¹ См.: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/490/116/>

² См.: Фуко, М. Лекция от 17 марта 1976 г.

³ Чешко, В. Ф. High hume : биовласть и биополитика в обществе риска : учеб. пособие / В. Ф. Чешко, В. И. Глазко. М., 2009.

⁴ Вардиман, Е. Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 114–115.

⁵ См.: Re-Feng Tang. Chinese population policy : good choice and right choice // Bioethics : Asian perspectives. A quest for moral diversity. L. : Kluwer academic publishers, 2004. P. 173–183.

⁶ См.: Tamarin, R. H. Principles of Genetics. 6th ed. McGraw-Hill, 1999. P. 354–355.

⁷ См.: Pidney, M. Nature via genes, experience and what makes us human. L., 2003.